

ИЗ ЗАЛА СУДА

Ю. КЛАРОВ

**ВТОРАЯ
СУДИМОСТЬ**

Ю. Кларов

ВТОРАЯ СУДИМОСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1959

К л а р о в Юрий Михайлович
«ВТОРАЯ СУДИМОСТЬ»

Редактор *Е. К. Коржув.* Художники-оформители: *Е. Б. Бельская* и *Б. П. Кыштымова.*
Художественный редактор *Н. Ф. Федорова.* Технический редактор *Е. Н. Косарева.*
Корректор *Н. П. Визина*

Сдано в набор 6/IV 1959 г. Подписано к печати 5/VI 1959 г.
Формат бумаги $84 \times 105 \frac{1}{2}$. Объем: физ. печ. л. 1,25; условн. печ. л. 2,05;
учетно-изд. л. 2,09. Тираж 100 000. Л05125. Цена 50 коп. Зак. № 300

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза,
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

О знатным бригадиром одной из шахт Донбасса Владимиром Сысоевым я познакомился в прошлом году во время своей командировки на Украинну. Комната приезжих была переполнена, и секретарь парторганизации участка Задуйвитер попросил Сысоева:

— Вот товарища из редакции поместить негде. Может быть, пристроишь у себя на несколько дней, а?

— Добре. Веселей будет.

Так я остановился в маленькой холостяцкой комнате Сысоева. Но «веселья» у нас не получилось. Сысоев работал эти дни в ночную смену, а днем я в комнате не бывал. Поговорить с ним мне удалось совершенно случайно в день моего отъезда.

— Вы на станцию? Я вас провожу. Заодно письмо отправлю.

Он помахал толстым конвертом.

— Ого, какие письма большие вы родным пишете!

— Да нет, это не родным.

— Девушке?

— Тоже не угадали.

Расспрашивать было неудобно, и я промолчал.

Когда мы уже подходили к станции, Сысоев неожиданно заговорил сам:

— Вот вы спрашивали, кому я написал... Есть такой человек. Настоящий человек.

Вспоминая что-то, Сысоев задумался.

Его мальчишеское круглое лицо с белесыми бровями посуровело, и у припухлого рта явно обозначились резкие морщинки.

— Вам никто не рассказывал о моей судимости?

— Нет,— растерялся я.

— Судим,— подтвердил Сысоев,— дважды судим за воровство. И если бы не этот человек, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Я и то тогда думал, что у меня в жизни только одна дорожка осталась — в тюрьму.

Мы прошли мимо широких дверей станционного буфета и сели в зале ожидания. Через десять минут должен был подойти мой поезд, но на нем я не уехал. Не поехал я и на следующем...

Сысоев мне рассказывал о своей жизни, короткой, но сложной. Он говорил про зверя-отца, про забитую мать, про жизнь в исправительно-трудовой колонии...

За стремительным потоком слов скрывались бессонные ночи, образы людей, дурных и хороших,— все то, что предшествовало рождению человека, нашего советского человека, строителя коммунистического общества.

Когда мы прощались на следующий день, Сысоев взял с меня слово, что если я буду о нем писать, то изменю фамилию. Я охотно согласился. В конце концов, разве так важна настоящая фамилия этого человека или другого, того, кто помог ему в страшную для него минуту? Много сысоевых вышли с помощью настоящих советских людей на большую дорогу жизни. А судья Михаил Константинович Белецкий ничем не отличается от тысяч других народных судей, которые в разных уголках страны добросовестно выполняют свое скромное, но благородное дело.

* * *

Секретарю народного суда Инге Влацкой звонили уже третий раз. Юношеский басок требовательно спрашивал:

— Инга, ты можешь, наконец, толком сказать: придешь ты сегодня или нет?

Коса на спине Инги вздрагивала.

— Понимаешь, Коля, обычное гражданское дело — иск о разделе имущества, но Михаил Константинович с заседателями в совещательной комнате уже два часа сидит. А без спросу уходить неудобно. Ты позвони лучше еще раз...

Почему Михаил Константинович так долго в совещательной комнате? Наверное, какой-нибудь юридический казус.

Но Инга ошибалась.

Это гражданское дело в желтой шершавой обложке, на которой невыработавшимся ученическим почерком было выведено: «Истец: С. С. Сысоев. Ответчик: В. Н. Сысоева. Иск о разделе имущества», — с юридической точки зрения сложным не было. В нем было понятно все, за исключением того, как оно могло возникнуть...

Семена Семеновича Сысоева в поселке знали многие. Знали как пьяницу.

Да, Сысоев любил выпить. И пьяный он становился страшен...

Произошло это месяц назад. Сысоев привел в дом, где помимо него жили жена и дети, свою любовницу.

— Пить будем и гулять будем, а смерть придет — умирать будем! Марка! Открывай бутылку! — лихо выкрикивал Сысоев, притоптывая каблуками. — Чего? Открыть не можешь. Э-эх, ты! Сейчас я штопор найду.

У двери Сысоев лицом к лицу столкнулся с Верой Николаевной.

— А-а, ты здесь. Дай штопор.

Смотря невидящими глазами в лицо мужа, Вера Николаевна глухо сказала:

— Со мной можешь не считаться. Но у тебя взрослые дети.

Ответом ей была площадная брань.

За мать вступились Володя и Дина. И началось то, что часто происходило в доме Сысоевых...

— Кто вас кормит, а?! — кричал Семен Семенович. — Дармоеды! Да я вас в бараний рог согну!

Во время этой безобразной сцены у тяжело больной дочери Сысоева горлом пошла кровь.

— Папа, прекрати, видишь, Дине плохо, — умолял Володя, показывая отцу окровавленное полотенце. — Не надо, прошу тебя. Ну, успокойся.

Но Сысоева уже ничто не могло остановить. На полстела посуда. Падали опрокинутые стулья. Трещала мебель. Но все это перекрывал пронзительный надрывный голос отца:

— Вон! Вон из дома!

В эту же ночь Дина скончалась.

Хоронили ее мать и брат. Отца не было. А через неделю в суд поступило исковое заявление: Сысоев просил о разделе имущества.

В тот день Инга так и не попала на условленную встречу... Судьи вышли из совещательной комнаты только в девять часов вечера. Зал судебного заседания был пуст. Но судьи торжественно стояли за столом, когда Михаил Константинович, держа перед самыми глазами мелко исписанные листы бумаги, читал громким голосом знакомые слова: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

Решение было кратким. Зато более пространным был другой документ — частное определение суда. «При рассмотрении дела, — гудко и торжественно раздавался в пустом зале голос судьи, — выявились такие обстоятельства, которые, по мнению суда, должны стать предметом обсуждения общественности. Пьяница и хулиган, человек без всяких моральных устоев, Сысоев на протяжении многих лет терроризировал свою семью. Он избивал жену и детей, устраивал дебоши, унижал человеческое достоинство членов семьи. Сысоев требовал от своего сына Владимира денег, толкая его на путь преступлений, приводил в дом женщин, организовывал попойки. Именно на Сысоеве лежит моральная ответственность за скоропостижную смерть дочери. Положительная характеристика с комбината, представленная Сысеевым в судебное заседание, свидетельствует лишь о том, что профсоюзная организация комбината не интересуется жизнью членов коллектива в быту, искусственно отрывая быт от производства. Работники комбината забыли простую истину, что в социалистическом обществе быт и работа неотделимы. У нас не должно быть людей с двойным дном, каким является Сысоев. Суд также не может пройти мимо крупного пробела в работе средней школы, учеником которой является Владимир Сысоев. Владимир неоднократно пропускал занятия, иногда приходил в класс с явными следами побоев. Однако ни дирекция школы, ни комсомольская организация не заинтересовались, чем это вызвано, не предприняли никаких попыток изменить это ненормальное, дикое для нашего времени положение, которое сложилось в семье Сысоева...».

Частное определение зачитано, но Михаил Константинович еще держит перед собой листы бумаги. Потом он медленно складывает их и обращается к заседателям:

— На сегодня вы свободны, товарищи.

Заседатели уходят. Михаил Константинович устало опускается на стул. К нему подходит Инга.

— Михаил Константинович,— голос ее дрожит,— неужели у нас есть еще такие?

— Есть Инга, есть, к сожалению...

На следующий день после суда Володя был выгнан отцом из дома и исчез из поселка.

— Он давно собирался убежать,— говорила Сысоева Михаилу Константиновичу, глотая слезы.— Да я не верила. А теперь, знать, придется век одной доживать.

— Ничего, отыщем. А то и сам вернется,— утешал ее Белецкий.

Но Володя не вернулся. А сведения о нем поступили позднее, сведения о привлечении его к уголовной ответственности и первой судимости..

* * *

Вечерело. Володя шел по безлюдным в этот час улицам поселка.

Последние события смяли его. Мысли путались. Что делать? Что? Перед глазами мелькало застывшее от горя лицо матери, пьяный отец... В смерть Дины не верилось. Казалось, что вот сейчас появится ее сухонькая фигурка. Послышится ее глухой кашель...

«Вон!» — это сказал отец. Да, больше дома делать нечего. Уходить. Уйти от отца, от матери, от этой могилы... Но куда? К кому? Он прошел мимо нового здания клуба, от которого еще пахло сосной и свежей краской. Возле клуба толпились люди. Слышался смех. Продавали билеты на последний сеанс кино. Шла картина «Поезд идет на Восток». А там, в километре от поселка, проходили настоящие поезда, и сюда доносились их протяжные, зовущие гудки. Володя зябко передернул плечами. Холодно. Осень. Мать уже второй год собиралась подшить к пальто ватин. Но не было денег. Отец все пропивал.

Может, зайти в клуб?

В фойе было тепло. По запотевшим стеклам медленно, словно нехотя, скатывались капли.

Всюду рассеянно прошелся вдоль выставки картин местных художников-любителей. «Бурелом». «На делянке». «Охотники». «Стройка»...

— Володя, ты что, в кино собрался?

За его спиной стоял сосед по дому, мастер Нихренского лесопункта Нуриманов. Узкие, слегка раскосые глаза глядели мягко и доброжелательно.

— Да нет, так...

— Денег нет?

— Да нет, просто так, не хочется...

— Эх ты, такалка! Идем, проводишь меня на станцию. Дочка сегодня из Москвы приезжает. Помнишь Веру? Когда она уехала, тебе, по-моему, лет шесть было. Немудрено и забыть.

Они вышли из клуба и не торопясь направились к станции. До прихода поезда оставалось еще минут сорок.

Знает Нуриманов, что произошло? Нет, он ведь два месяца отсутствовал, да и приехал, наверное, только что. Утром его не было.

Володе Николай Ахметович нравился. Между ними всегда существовало то взаимное чувство симпатии, которое иногда внезапно возникает даже между малознакомыми людьми. Большой, с квадратными грузными плечами, такими грузными, что, казалось, они тянут его к земле, Нуриманов был молчалив и спокоен. К Сысоевым он обычно не заходил. Но когда отец Володи напивался пьяным и начинал буянить, Вера Николаевна бежала к Нуриманову.

Заставала она его дома редко. Нуриманов чаще всего неделями жил у себя в комнатке на лесопункте. Но если он был дома, то всегда приходил. Сжимал своими сильными руками плечи Сысоева и коротко бросал: «Выпил и ложись спать. Ну!». И странно, Сысоев сразу же затихал и, вполголоса бормоча ругательства, уходил к себе.

Жена Нуриманова умерла давно, во время родов, оставив ему дочь Веру. Так они и жили вдвоем в большой неуютной комнате. Потом Вера закончила десятилетку и уехала в Москву. Шли годы. Несколько раз она собиралась приехать на каникулы (в то время она еще училась в институте), да так и не выбралась. А письма... Разве письма могли заменить дочь? Да и писала она редко. От случая к случаю. А чаще посылала телеграммы, к праздникам...

— Идет! Идет! — закричали на перроне.

Народ, толкаясь узлами и чемоданами, ринулся на платформу. Замелькали освещенные квадраты окон вагонов.

— Вера, Верочка!

Нуриманов метнулся к вагону.

— Давай, давай чемоданы!

Николай Ахметович подхватил один чемодан, потом другой, сетку с продуктами.

И вот он обнимает дочь.

— Ну, как доехала? Хорошо? Здорова? Я уже заждался. Умница, что еще не совсем забыла отца. А ну, покажись. Дай хоть на тебя посмотреть, какая ты.

Володя почувствовал, как что-то сжало его сердце: «А я? Зачем здесь я?».

Он быстро повернулся и побежал вдоль состава.

Скорей отсюда, скорей! Нет, он не мог видеть сейчас чужого счастья...

— До отхода поезда осталось две минуты. Просьба к отъезжающим — занять свои места, — сообщил станционный репродуктор.

А где его место? И есть ли оно вообще...

Володя горячим лбом прижался к поручням вагона.

— Мальчик, а мальчик, садись, останешься!

Володя посмотрел непонимающими глазами на седого благообразного проводника. Ах да, очевидно, он принял его за сына одного из пассажиров.

Еще не сознавая, что делает, Володя поднялся по ступенькам в вагон. Свисток. Лязгнули буфера. Поезд тронулся. Мерно застучали колеса, с каждой минутой все дальше и дальше увозя Володю от поселка...

Постояв на площадке, он прошел в вагон, который оказался общим.

Проход был забит вещами. Группа матросов азартно играла в домино. Он взобрался на третью полку и пристроился между чьим-то деревянным сундучком с висячим тяжелым замком и огромным фибровым чемоданом. Было поздно. Вагонный шум затихал. Крепкий сон пришел внезапно.

Проснулся Володя от того, что кто-то его дергал за ногу.

— Молодой человек, ты чей будешь?

— Ничей.

— Билет у тебя есть?

Володя молчал.

— Заяц, значит. А ну слазь! Давай, давай! Живей! Понапускали здесь всяких, а потом удивляются, куда вещи пропадают! Проводник! Проводник!

Володя кувырком слетел с полки и сразу же попал в объятия рыжего мужчины в суконном картузе.

— Ну, ну, торопыга! Постой. Вот до станции доедем, в милицию сдадим.

На первой же остановке его, действительно, повели в отделение милиции. Вел его проводник, а сзади шла женщина, та самая, которая первая его заметила, на ходу рассказывая любопытным:

— Поднимаюсь за кошкой... Батюшки! Он уже возле нее. И хитрый какой: спящим притворяется, носом даже посвистывает! Хорошо, что успела, а то бы поминай, как звали! Из молодых, да ранний! И откуда только такие берутся! Воспитывают их, воспитывают, а они только и думают, как бы своровать что-нибудь! В милиции его поучат! Не посмотрят, что малолеток! Там знают...

Но что в милиции «знают», она досказать не успела. Володя неожиданно вырвал руку и, боком проскочив мимо двух женщин, бросился в здание вокзала.

— Держи! Держи!

Он выскочил в коридор и лицом к лицу столкнулся с франтовато одетым парнем, над губой которого чернела узкая полоска усиков. Тот мгновенно схватил его за плечи и втолкнул в дверь комнаты, которая находилась за его спиной. Володя сгоряча начал биться в дверь.

— Тише, шкет! Зацапают!

Володя стих. У самых дверей послышался топот ног и громкий разговор.

— Мальчишка здесь не пробегал? Не видели?

— Нет, не пробегал. А что, стащил что-нибудь?

Когда шаги стали удаляться, парень открыл дверь и, шуря холодные серые глаза, коротко приказал:

— Со мной пойдешь!

Так Володя познакомился с вором-рецидивистом Сашкой Силой.

Новый знакомый жил на окраине города в маленьком домике, окруженном со всех сторон густыми, буйно разросшимися кустами черемухи. Вот уже полгода, как он снимал здесь небольшую комнату у собственницы дома Марьи Гавриловны, молчаливой женщины средних лет,

вдовы военнослужащего, погибшего на фронте в 1941 году. Марья Гавриловна работала санитаркой в фабричной больнице и в глазной поликлинике. Часто дежурила. И в эти дни квартирант чувствовал себя в доме полным хозяином. Дом стоял на отшибе, не привлекая внимания. Участковый милиционер сюда не заглядывал.

Да, Сашка не раскисался, что поселился именно здесь. Тихо. Вольготно. Спокойно.

— Мой младший брат. Приехал погостить,— представил он ошеломленного Володю хозяйке.— Пока поселитесь со мной. Не возражаете?

Нет, Марья Гавриловна не возражала. Жил один — теперь будут жить двое. Не все ли равно?

Она достала из заваленного всяким старьем чулана раскладушку и передала ее своему веселому квартиранту.

— Поставьте для брата. Одеяло дать?

— Давайте, мамаша. И одеяло, и матрасик. В общем, устранивайся,— обратился он к Володе,— а я схожу по делам.

Пришел Сашка только под вечер. Плотно прикрыл дверь. Посмотрел на шуплую фигурку подростка, усмехнулся уголками губ и коротко предложил:

— Выкладывай.

— Что? — не понял Володя.

— Анкетку, биографию, заявление о приеме на работу. Поездушник?

— Н-не понимаю...

Сашка провел пальцами по тонкой линии усиков и тихо свистнул:

— Э-э! Совсем зеленый! — он был явно разочарован.— Ну, ладно, я не отдел кадров: в личную жизнь индивидуумов не вмешиваюсь. В конце концов, производственный стаж дело наживное. А теперь давай спать. Еще поговорим.

Он сбросил пиджак, сдернул галстук, сорочку. На его голых мускулистых руках загримасничали вытатуированные женщины с рыбьими хвостами, якоря, сердца, пронзенные стрелами.

На предплечье было написано: «Не забуду мать родную».

— Вы моряк?

— Вроде того. Мчусь по волнам жизни.

Он подкинул в печь несколько поленьев и, смотря на огонь, задумчиво сказал:

— Хорошо. А в Воркуте сейчас под тридцать. Слышал про Воркуту? «Воркута, Воркута, южная планета! Двенадцать месяцев зима, остальные — лето».

— Вы к родным туда приезжали?

— Нет, в творческой командировке находился. Уголь добывал. Ценным работником, между прочим, считался. Представляешь, для охраны моей неприкосновенной личности руководство даже почетный конвой выделило. Чтобы, значит, ни один волос с моей лысеющей головы не упал. Да... Ну, спи, моя радость.

Сашка свалился на постель и мгновенно захрапел. На голой груди его синела в причудливом орнаменте какая-то надпись. Володя приподнялся на локте и прочел: «Смерть — лягавым. Жизнь — блатным».

Так вот кем был этот странный человек! Володя забылся беспокойным, тревожным сном только под утро...

Последующую неделю Сашка его не трогал, предоставив полную свободу действий.

— Вот тебе четвертной билет на интеллектуальные потребности, — сказал он, — и катись в город прожигать жизнь. Помни, у Сашки широкая натура.

Володя поехал в город и несколько часов бродил по его асфальтированным улицам. Город ему не понравился. Он был каким-то слишком строгим. Проходя мимо здания телеграфа, замешкался. Зайти? Нет, ни к чему. Со старым покончено. Зачем матери знать, где он. Вернулся Володя с кульком урюка и коробкой печенья с экзотическим названием «Джунгли».

Новоявленный брат критически осмотрел его покупки, тихо свистнул по всегдашней своей привычке и убежденно сказал: «Плебей».

Днем Сашка пропадал. Приходил только вечером, иногда — поздно ночью. И тогда к нему заходили разные темные люди. Бывали и наглые юноши с подбритыми бровями и развязными манерами, и неразговорчивые, угрюмые личности средних лет.

Входя, гости подозрительно оглядывались, здоровались, перебрасываясь с хозяином какими-то непонятными словами. Часто спорили, ругались, пили водку, распевали воровские песни.

Почти всегда запевалой был Сашка. Пел он любовно, вполголоса, «со слезой».

Среди приходивших к Сашке Володя совершенно неожиданно для себя встретил знакомого из поселка. Это был Коляка Сухотин, несуразный, узкоплечий парень. Ему было лет семнадцать, но Володя знал, что он уже дважды судим за воровство. Год назад он несколько месяцев работал на комбинате. «Золотые руки. И голова какая ни на есть имеется,— говорил начальник столярного цеха Коспьянский.— Но, вот, привык к легкой жизни...». А потом Коляка ушел из поселка, захватив с собой пять тысяч рублей из профсоюзной кассы. «Вор воров и останется,— сокрушался Коспьянский.— Горбатого только могила исправит».

— Ты как здесь? — поразился Коляка, увидев Володю, и что-то быстро зашептал на ухо Сашке.

Тот понимающе кивнул головой.

— Отцы и дети, как писал гражданин Тургенев.

Он разлил водку по трем стаканам и один из них подвинул Володе.

— Приобщайся.

Чокнулись.

Зажмурив глаза, Володя залпом выпил. Обожгло горло. Захватило дыхание.

— Хорошо? — спросил Сашка, топорща усики.

А Коляка хлопнул его по спине и покровительственно сказал:

— Ничего, п-привыкнешь.— Он слегка заикался.

На следующее утро произошел тот самый разговор, которого Володя ждал со страхом и любопытством.

Сашка после вчерашней пьянки проснулся поздно. Сунул руку в чемоданчик, который всегда стоял под его кроватью, достал недонитую бутылку, сделал несколько глотков, поморщился.

— И как только люди эту гадость пьют! — Искося взглянул на Володю.— Ну, как дальше жить думаешь? Иждивенцев не держу. Я, брат, противник паразитического образа жизни.

— Я в ФЗУ поступаю...

— Куда?

— В ФЗУ.

Сашка откинулся на постель и неудержимо расхохотался.

— В ФЗУ, говоришь.— Он вытер набежавшие на глаза слезы.— Ну, брат, насмешил. Плебей, ей-богу, плебей! Ну, ни грана поэзии! Нет, как хочешь, а я не могу допустить, чтобы юношество погрязло в болоте прозы.

Он сделал еще несколько глотков.

Закурил. Провел языком по усикам.

— Слушай, пацан, я из тебя настоящего блатного сделаю. Будешь работать в паре с Рыжим. Он хотя и дурак, но немного обтесался...

— Я не хочу воровать...

— Что?

Под Сашкиным взглядом Володя сник и как-то весь съежился.

— Значит, на чем мы остановились?

Володя молчал.

— На чем мы остановились? — В Сашкином голосе послышались угрожающие нотки.

— С кем я буду работать...

— Точно. У тебя почти гениальная память. Так вот, запомни. До-бро-со-вестно работать. Понял?

На следующий день Володя уже вышел с Колькой Рыжим «на промысел». Для первого раза Сашка отправил их воровать по трамваям.

Воровали они в часы пик, когда городские трамваи были переполнены.

Колька чувствовал себя в полной безопасности.

— Черта п-почувствуют в давке,— говорил он Володе, который трясся от нервного возбуждения.

Обязанности Володи, как новичка, были скромными. Он был своего рода камерой хранения, куда Колька сразу же передавал украденный кошелек или деньги.

— В случае чего — чист, как огурчик,— объяснял он своему партнеру. Что такое «чист, как огурчик», Володя понял, когда Кольку задержала милиция. Его продержали несколько часов, но ничего из украденного при нем не нашли и выпустили.

В эти дни Володя впервые залез в карман сам...

— Молодец, чисто сработано,— похвалил Сашка, который присутствовал при его «дебюте».

Теперь деньги у Володи не переводились. Он купил себе новое пальто, ботинки. Постепенно Сашка втянул его и в выпивки...

Новая, «безотказная жизнь» все более и более затягивала Володю. За его плечами был уже не один десяток краж, и Сашка выделял его среди других молодых.

Сашка Сила был тем, кого в уголовном мире называют «горловыми ворами». Последнее время на «дела» сам он почти не ходил, ограничиваясь организационной краж и ограблений. Это было и доходней, и спокойней. У своих пособников он отбирал львиную долю добычи, которую те ему безропотно уступали.

Молодые воры боялись Сашку. Они знали, как погиб Сенька Вихрь, пятнадцатилетний паренек, который «продал» Сашку на предварительном следствии. Сеньку зарезали через год в поезде, когда он полный радостных надежд возвращался из колонии домой... Та же судьба постигла и Левку Белика...

От своих «мальчишек» Сашка имел постоянный, непрекращающийся доход. Но разве это были те масштабы, к которым он привык?! Крохи, жалкие крохи. Сашка мечтал о «большом» деле, о деле вроде Винницкого, где он буквально за пять минут похитил из сберкассы сто пятьдесят тысяч рублей. А сделано было так, что «комар носу не подточит»!

Теперь же ему с «большими» делами не везло. То ли уголовный розыск лучше работать стал, то ли с годами пришла осторожность, которой раньше не было. А вернуться хотелось. Ох, как хотелось! Сашка уже думал перебраться в Одессу, где он бывал в свои юные годы, но тут ему случайно удалось узнать, что один из жителей города, по фамилии Глуз, по последнему тиражу Государственного трехпроцентного выигрышного займа выиграл сто тысяч рублей.

В этот же день он установил адрес Глуза и организовал за его квартирой наблюдение. Такое же дежурство было установлено у проходной завода, на котором работал Глуз. Откуда бы Глуз ни надумал идти в сберкассу за выигрышем, об этом мгновенно должны были сообщить Сашке. Нет, этих ста тысяч он из своих рук выпускать не собирался!

Все было продумано. Все, до мельчайших деталей. И тем не менее...

Глуз с кожаным портфелем в руках вышел из сберкассy в сопровождении жены. Оглянулся.

— Разрешите прикурить?

Перед ним стоял хорошо одетый молодой человек с подбритыми усами.

— Пожалуйста.

Глуз передал портфель жене, достал из кармана спички, зажег. Сашка наклонился над огоньком в заскоружлых согнутых ладонях...

— Держи! Держи! Грабят!

Вывав портфель, Рыжий побежал к забору, за которым его дожидался Володя.

— Раз!

Портфель, несколько раз перевернувшись в воздухе, полетел за забор. Володя подхватил его и, спрятав под пальто, побежал со всех ног. Неподалеку заверещал свисток.

— Караул! Грабят!

Скорей! Скорей! Вот то самое место, где его должен ждать третий. Почему его нет?

Володя перескочил через канаву, свернул на тропинку и... попал прямо в руки милиционера.

Несколькими минутами позже был задержан и Колька.

Не везло Сашке последнее время!

А через час, забившись в угол камеры предварительного заключения, Володя уже читал переданную ему записку... На косо разлинованном листке бумаги вились мелко написанные неровные строчки: «Честно признайся, что налет организовал ты, а Рыжий только помогал. И не вздумай Сашу приплетать. Ведь не было Саши. Понял, моя радость? Твой любящий брат».

По недосмотру работников милиции он и Колька оказались в одной камере. На один час, по этому было достаточно.

— Записку получил?

— Ну?

— Н-не психуй. Сашка прав. Мне за рецидив десятку дадут, а ты к-как-нибудь обойдешься. А Сашку путать ни к чему, сам знаешь... Так и г-говори: «Родных не имею, места жительства не имею, поездушник». Со мной познакомился на станции и предложил идти на дело. Я от-казывался. А ты угрожал, что, если не п-пойду,— плохо будет. П-понял?..

— Гады вы все...

Однако на предварительном следствии Володя так и показал. А в душе копошилось сомнение: разве это и есть воровская дружба?

Чувствовалось, что следовательно, пожилой толстый человек с одышкой, не верит ни одному его слову.

— Таким образом, вы утверждаете, что приехали в город пятнадцатого?

— Да.

— А откуда вы узнали о том, что Глуз выиграл?

— Из газеты.

— Где вы ее взяли?

— Прочел на витрине у вокзала.

— Так, хорошо. А за какое число эта газета была?

— Не помню.

— Я вам напомним. Заметка была напечатана в газете за шестое число. А газеты на витрине меняются каждый день...

— Ну, прочел не на витрине. Какая разница.

С каждым ответом Володя запутывался все больше и больше. Поняв это, он вообще отказался давать показания.

— Я свою вину признал и больше отвечать ни на какие вопросы не буду.

— Ваше право. Но зря. Мне кажется, что во всем этом деле замешана чья-то другая, более опытная рука... Стоит ли ее выгораживать?

Но Володя был уже не тем мальчиком, который год назад познакомился с Сашкой Силой. Воровская жизнь не могла пройти бесследно...

— Вы, гражданин следовательно, бросьте на мою психику давить. Хотите большое дело состряпать? Не выйдет. Выдавать никого не буду.

Следователь доложил о ходе дела своему начальнику. Тот полистал протоколы допросов, прочел показания обвиняемых.

— Все в порядке. Передавайте в суд.

— Но...

— И чего вас в психологию тянет? Бросьте этими ненужными вещами заниматься. Пора кончать следствие. Сроки поджимают. Оперативности у вас, дорогой, не хватает! Зачем превращать простое ограбление в авантюрный роман? Не понимаю...

Дело пошло в суд... И вернулось на следствие. Снова допросы — снова отказ давать показания. Следователь сталкивался с озлобленным упорством обвиняемого.

— Ничего не добьетесь, ничего,— говорил Володя, до боли сжимая пальцами край стола.

И вновь дело, увеличившееся на несколько десятков листов, было отправлено в суд.

Небольшой, хорошо натопленный зал судебного заседания. Скамья подсудимых за барьером. Рядом стол адвокатов. Сзади конвой.

— Признаете себя виновным?

— Частично. В том, что поддался влиянию Сысоева.

— Запишите, подсудимый Сухотин признал себя виновным частично. А вы, Сысоев, признаете себя виновным?

— Чего там тянуть волынку! Признаю полностью. По всем пунктам.

Вопросы судей, прокурора, адвокатов. Поскорей бы уж!

— Чем можете дополнить судебное следствие?

— Да ничем. Чем здесь дополнишь? Вот если бы выпустили, я бы тогда дополнил!

В зале кто-то засмеялся. Одобрительная улыбка в задних рядах. Это Сашка. Пришел посмотреть, как его «мальчики» будут держаться на суде.

— Подсудимый, уважайте суд!

— Товарищ прокурор, пожалуйста!

Прокурор раскладывает листы...

— Товарищи судьи! Сегодня мы с вами рассмотрели дело по обвинению двух несовершеннолетних...

После речи прокурора выступают адвокаты. Прения сторон окончены. Последнее слово подсудимых. И вот судьи уходят в совещательную комнату.

В публике вполголоса обсуждают пережитый процесс.

— Встать! Суд идет!

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

Пять лет! Теперь ты, Володя, уже не подсудимый, а осужденный! Руки полагается держать сзади. Вот так! Смотреть можешь перед собой прямо. Но почему твой взгляд упирается в землю?

— Пошли!

Нет, не туда. Налево. Теперь направо. Теперь несколько ступенек вниз. Вот и милицейская машина!

Конвойный подсаживает, придерживая за локоть. Поехали!

В тюрьме ему вручают передачу: папиросы и пакет с антоновскими яблоками... Дешево ценишь свою свободу, Саша!

* * *

Отрываются один за другим листки календаря. День сменяется днем, месяц — месяцем, год — годом. Весна. Лето. Осень. Зима. Снова весна. Март тысяча девятьсот пятьдесят третьего года... Амнистия!

Ребята в трудовой колонии в тот день не работали и не учились. До того ли? Собирались группами, переговаривались. Большинство их завтра покидало колонию.

Навсегда? Кто его знает. Остающимся отдавали продукты, вещи, деньги.

— Бери, бери! На волю идем. Там заработаем.

— Смотрите, напишите, как там!

— Напишем, обязательно! А вы не горюйте, скоро и вам выходить...

— «Скоро!»

— Конечно, скоро! И не заметите, как время пролетит!

Среди освобождаемых был и Владимир Сысоев... Да, время быстро летит! Три года, а казалось, что только вчера попал в колонию...

Как сейчас помнит Владимир первый разговор с воспитателем Василием Прокофьевичем.

— Какую профессию хочешь приобрести, Сысоев?

— А я уже имею...

— Какую же?

— Вор-карманник.

— Ну, на эту специальность спроса в нашем государстве нет. Придется переквалифицироваться...

Нет, «переквалифицироваться» Владимир тогда не собирался. Упрямым был. Но были и поупрямее его... Однако переламывались.

Да, много хлопот доставил он своим воспитателям, ох, как много! А специальность все-таки приобрел.

Столяр шестого разряда. И человеком тоже как будто стал...

«Инженер, который работает без души,— инженер. Пусть плохой инженер, но инженер. Агроном, который не вкладывает в свою работу душу, это плохой агроном, но все-таки агроном. А воспитатель, работающий без души,— не воспитатель».

Эти слова принадлежали начальнику колонии. И они стали девизом колонии — этой трудной школы перевоспитания.

* * *

Северо-Печорская дорога. Под толстым пластом уже подтаявшего снега — болота. Вдоль железнодорожного полотна — стена леса.

Деревья почти без ветвей, плотно прижались друг к другу, разве только руку меж стволами просунешь. Серые.

Время от времени сине-зелеными пятнами проносятся массивы ели, реже — сосны.

Холодно, неуютно там, за окнами вагонов.

Ранняя весна или поздняя зима? Не поймешь...

Три года назад Владимира по этой же дороге везли в арестантском вагоне в колонию. Тогда была осень, и этот же лес манил своими яркими зелеными, красными и желтыми цветами...

Да, самые памятные дни его жизни связаны с дорогой, с призывным гудком паровоза. Зовет гудок: «У-у-у!».

Куда он теперь его зовет?

Домой, к новой жизни.

У-у-у!

Телеграммы матери он не давал. Из писем знал, что отец вот уже два года, как уехал и не подавал о себе никаких вестей. Значит, теперь она одна. Оно и к лучшему.

Вспомнил отца, потом Сашку... Ненависть к этим двум людям жила в каждой частице его существа. Не будь их, не было бы этих тяжелых четырех лет.

Мать писала, что вокруг могилы Дины посадила четыре елочки, по углам, у самого холмика. Это хорошо, елочки... Дина всегда любила лес. По воскресеньям они уходили туда на целый день. А потом Дина уже не могла далеко ходить. На крыльце сидела. Сиделась с книж-

кой, но не читала, думала... О чем? Наверное, чувствовала, что последние дни доживает. Хилая была, а жить хотелось...

А мать — старуха. Четыре года — не четыре дня. Последнее время уборщицей в школе работала. Поселковый Совет выделил ей участок для огорода. Картошка, там, свеклка, капуста...

Ничего, приеду — и сразу на комбинат:

«Явился в ваше распоряжение!» Столяр шестого разряда — это вещь. С руками и ногами отхватят! Тогда заживем! И к Николаю Ахметовичу надо зайти. Хороший мужик! Тоскливо ему одному...

— Хлопец, слазь! Кушать пора!

Это один из его соседей по вагону, Василий Васильевич, бухгалтер. Тоже амнистированный.

Владимир спустил ноги и прыгнул.

— Все на свете проспидишь. Присаживайся. Скоро Котлас.

На столке ломтики нарезанной колбасы, яйца, хлеб, сахар...

— Котлас, братишечки, Котлас,— оповещает проводник.

— Это кто здесь «братишечки»? — свешивается с третьей полки большая взлохмаченная голова.— «Братишечки» там остались. А здесь — товарищи, понял? Равноправные члены общества.

Проводник опасливо смотрит снизу вверх на того, кого в вагоне зовут Пашкой, и оправдывается:

— Да я не по умыслу...

— То-то же...

На перрон Котласа выходят шумной толпой. Рядом с вокзалом рынок. Крытые тесом ряды. Женщины торгуют молоком. Владимир подходит к одной из торговек в белом шерстяном платке. Тычет пальцем в платок.

— Продай, тетка!

Надо же матери подарок привезти.

— Ишь, какой шустрый! За спекуляцию, видать, сидел? Смотри, денег не хватит.

— За что сидел, мамаша, за то отсидел.

И когда торговка умело складывает платок, его окликают:

— Вовка! З-здорово, бродяга!

— Рыжий!

Действительно, перед ним Колька Рыжий, похудевший, с еще более вытянутой, чем обычно, шеей. Встреча не из приятных.

— На, угошайся, без монеты купил,— протягивает он Владимиру курицу.

— Нет, спасибо.

— К-куда направляешься?

— Домой, конечно.

— А п-потом?

— Куда же потом? На комбинате работать буду...

Колька тихонько свистит (Сашке подражает! — мелькает в голове Володи).

— Продался, значит...

Владимир вместо ответа берет его руки, сжимает в своих.

— Ты свои руки видел?

Несмотря на сопротивление, он подносит ладони Кольки к его лицу.

— П-пусти, руки как руки...

— Врешь! Руки вора. Грязные руки! А вот полюбуйся на мои!

Перед лицом Кольки две мозолистые ладони.

— Рабочие руки. Неподходящие руки для вора. Так вот, запомни и Сашке при случае передай,— бросил Володька.— И лучше меня не трожьте! Не трожьте! А то этими руками придушу!

Котлас позади. А на следующей станции в вагон вваливается группа юнцов в ватниках.

— Где эта шкура?

— Спрятался!

Владимир почувствовал, как краска отливает от его щек. Нащупал рукой столовый нож: дешево не возьмете! Но с полки соскочил Пашка. Громадный, лохматый.

— Вам что здесь нужно?

— Потихе, приятель, а то успокоим.

— Что?!

Пашка схватил одного из мальчишек за шиворот, повернул к себе спиной, ударил под зад. Тот кубарем вылетел на площадку. Вышвырнул второго, третьего. Бешено засрал:

— Вон, шпана! Чтобы вашего духа здесь не было!

Ругаясь и угрожая, мальчишки ушли. А Пашка, повернувшись к Владимиру, сказал:

— Ты, парень, своей линии крепко держись. А от-
ребья этого не бойся. В случае чего — ко мне. Понял?

— Да я и не боюсь...

— Правильно. Шкодливо, как кошка, трусливо, как
мышь. За меня, парень, держись. Понял?

— Так, Паша, с ними и нужно, — поддержал бухгал-
тер, — иначе облаглют. А в тебе, знаешь, боксер пропа-
дает. Ты на ринге никогда не выступал?

— Грузчик я, с Астрахани. Понял? — отрезал Паш-
ка и полез на свою полку.

В поселок поезд пришел рано, в четыре часа утра.
Владимир вышел на перрон, помахал рукой уходящему
составу. Пошел тихо, не спеша, а хотелось по-мальчише-
ски, вприпрыжку... Прошел Первомайскую улицу, ули-
цу Энгельса... Вон, он, дом буквой «Г». Одна половина
Нуримановых, другая — Сысоевых. Три маленьких окош-
ка с белыми занавесочками. На веревке от крыльца и
до телеграфного столба развешано белье. Шеколда. По-
тянул за конец веревочки, спрятанной между двумя
бревнами, и дверь открылась.

Скинул мешок, постучал согнутыми пальцами в
дверь, из-за которой доносилось мерное тиканье ходи-
ков.

Молчание.

Еще раз постучал, погромче.

— Кто там?

— Свон, мама...

— Вова?! — В заспанном голосе недоверие, недоуме-
ние, надежда. А затем — пронзительный крик.

— Вовочка!

Шлепают босые ноги. Со звоном падает крючок. К его
груди прижимается костлявое тело матери.

— Вовочка, сыночек мой родненький!

Дрожащие старческие руки запутались в его волосах.
По морщинистым щекам катятся слезы, мутные стар-
ческие слезы.

— Сыночек мой родненький, кровушка моя...

Расходилась старушка. А самому тоже хочется пла-
кать. Как маленькому — бездумно и громко...

— Ну, успокойся же, мамочка, успокойся!

Сколько прошло? Минута? Пять минут? Час? Мать в последний раз всхлипывает, смахивает рукавом сорочки запоздалую слезинку.

— Ну, слава богу, хозяин в дом вернулся. Заходи, Владимир!

И он чувствует, что «Владимир» сказано неспроста...

За самоваром длинный и бессвязный разговор — обычная беседа между близкими людьми, которые не виделись годы.

Мать расспрашивала про трудовую колонию, про воспитателей, про друзей, а он рассказывал, то и дело перебивая вопросами:

— Николай Ахметович дома?.. А когда вернется?.. Не знаешь, на комбинате столяры требуются?..

В половине шестого мать ушла в школу. Владимир разделся и лег отдохнуть с дороги. Но не спалось. Голосисто кричал петух. Поскрипывая, проехала телега. Суетились скворцы. Когда мать вернулась, вынул из мешка купленный платок и набросил на худые плечи.

— Гостинец тебе.

Мать оглядела себя в зеркале.

— Хорош платок. Спасибо тебе, хозяин.

Она перебрала все его немногочисленные вещи. Выстирала и заштопала носки. Осмотрела со всех сторон серый ватник, нашла, наконец, прореху на подкладке и, щуря глаза под стеклами очков (раньше не носила!), зашила маленькими стежками.

— Вот теперь другой вид. Денег-то дать? Голяком, наверное, приехал?

Не торопясь, вспорол только что зашитую подкладку, достал из-под нее пакет.

— На, мама, до первой полочки в хозяйстве пригодится.

— Ну и ну, — только и смогла произнести та. — Настоящий хозяин! Когда отдохнешь, ограду посмотри. Там две доски выломаны. Все руки не доходят...

— Хорошо, сегодня подправлю.

— Что так скоро? — удивилась она. Сколько ждала — еще подождет. Не к спеху.

— Да я завтра на работу пойду устраиваться...

Материнские глаза пылливо смотрели на него. «Нет, не в отца, работяга».

Утром следующего дня Владимир был уже в отделе кадров комбината.

— Где тут народ набирают?

— Смотри какой народ,— усмехнулся один из ожидавших.— Ты кто по специальности? Если разнорабочий...

— Столяр.

— Столяры нужны. Ты к старшему инспектору Матвееву зайди. Вон, вторая дверь по коридору, клеенкой обита...

Матвеев, живой, стремительный, весь словно на пружинах, не дав сказать слова, засыпал вопросами:

— Ты чего? По какому делу? На работу? Столяр? Какой разряд?

— Шестой.

— Очень хорошо. Молодец, что прямо к нам! Столяры нужны. Молодые, жизнерадостные, чтобы с песней работали. Песни петь умеешь? Да? Тогда самая подходящая кандидатура... Точно, Владислав Феофанович? — повернулся он к человеку с бледным нездоровым лицом, который сидел на диване.

— Да, как будто подходящая,— устало сказал тот, взглянув мельком на Сысоева.

— Вот видишь, и твой будущий начальник, товарищ Коспянский, так же считает.

Коспянский? Фамилия показалась Владимиру знакомой. Кто-то ее называл. Но кто, когда, где?

— Ну, нечего время терять,— прервал его размышления Матвеев.— Время — деньги. Давай трудовую книжку

— Нету...

— Чегс нет? Трудовой книжки? Что ж ты людям голову морочишь?

Владимир протянул справку об освобождении из трудовой колонии и удостоверение о присвоении разряда.

— А, тогда другое дело!

Матвеев просмотрел документы и передал их Коспянскому.

— Пиши заявление. Завтра приступишь к работе. Приходи к половине девятого.

— Не спешите, Иван Иванович,— неожиданно прервал его Коспянский.— Вы иногда чересчур торопитесь. Надо еще согласовать с начальником отдела кадров...

— Да чего здесь согласовывать?! — вскинулся Матвеев. — Я — «за», вы — «за». Сегодня же подготовлю приказ и на подпись...

Владимир увидел, как Коспьянский осторожно подмигнул своему собеседнику. Или показалось?

Матвеев осекся. Взъерошил волосы.

— М-да... А впрочем, спешить, действительно, не к чему... Документы вы у нас оставьте, — неожиданно перешел он на «вы», — а завтра к концу дня зайдите, а то еще лучше — послезавтра... Договорились?

Выйдя на улицу, Владимир вспомнил, от кого он слышал фамилию Коспьянского — от Кольки Рыжего. Ну да, Коспьянский, начальник цеха, где работал одно время Колька...

Но все-таки через день пошел опять.

— А, Сысоев! — встретил его Матвеев. — Присаживайтесь. Должен вас, к сожалению, огорчить. Оказывается, я тогда ошибся: столярный цех у нас полностью укомплектован.

— Врете.

— Что?! — привстал Матвеев. — Вы, по-видимому, забыли, где находитесь. Так запомните, вы не в тюрьме и разговариваете не со своими товарищами по кражам, а с представителем администрации комбината!

Он бросил на стол Володиные документы.

— Получите! И чтоб вашей ноги здесь больше не было!

— Не беспокойтесь, не будет.

Легко сказать: «Не беспокойтесь, не будет». А что делать? Куда идти? Поселок — не областной город, где десятки заводов, фабрик, мастерских и всюду требуются рабочие самых различных специальностей. Он побывал еще в нескольких местах. Столяры не требовались, советовали обратиться на комбинат.

За эти две недели напрасных поисков Владимир осунулся, а у припухлого рта ясно обозначились резкие морщины. Глаза стали злыми и колючими. С матерью он почти не разговаривал. И она его не расспрашивала — как будто ничего не замечала. Да и о чем ей было спрашивать, когда и так все знала...

Несколько дней назад она случайно встретила на улице Коспьянского.

— Владислав Феофанович! — остановила она его. — Вот радость-то у меня! Сынок приехал. По амнистии отпустили. Такой самостоятельный стал! К вам в цех хочет...

— Ну, без амнистированных как-нибудь обойдемся, — хмуро буркнул Коспьянский.

— Почему так?

— Да так, воров не требуется.

— Почему же он вор? Был вор, да весь вышел. Работать хочет.

— Знаю это «работать хочет». Был один такой. Тоже «работать хотел», а потом «сработал» пять тысяч и поминай, как звали.

«Эх, Володя, Володя, — думала бессонными ночами мать, — горе ты мое горькое! Хоть бы Николай Ахметович поскорей приехал. Душевный человек! Придумал бы что-нибудь...».

Приподнимаясь на локте в постели, смотрела на спящего сына: «Спит-то как беспокойно! Ворочается, бормочет. Нелегко ему! Ох, как нелегко! И хоть бы товарищ какой зашел... Никого не осталось, один!».

Но товарищи нашлись... Однажды, когда уставший и раздраженный Владимир под вечер вернулся домой, мать весело сказала:

— А тебя здесь дружок дожидается! Мы уж с ним говорили, говорили...

За столом, покрытым в честь гостя старой ковровой скатертью, пахнувшей нафталином, сидел Колька.

Владимир нехорошо улыбнулся.

— Здорово, орел!

А когда мать вышла похлопотать по хозяйству, лег грудью на стол и, смотря снизу вверх в побледневшее Колькино лицо, спросил:

— Дорезать пришел?

Колька отшатнулся.

— Что ты, что ты! Т-ты не думай... В поезде без меня было...

— Только подсказал?

Колька настороженно следил за руками Владимира: полезет в карман или нет? Руки Сысоева то сжимались в кулаки, то разжимались. Несколько минут в комнате слышалось лишь тяжелое дыхание двух людей да размеренное тиканье часов.

Но вот Владимир перевел дыхание и откинул голову, закурил.

Пронесло!

— П-псих! — сказал Колька с облегчением и рассмеялся. — Настоящий псих. Пришел как к д-другу, а он... Характер у тебя!

— Какой есть.

— Ну, будет т-тебе. Расскажи, как работается?

— Не работаю.

— Чего так?

— Отдыхаю, солнечные ванны принимаю, загораю.

Понял?

— П-понял, чего не понять, — опять встревожился Колька и заерзал на стуле. — А то мать говорила...

— Что говорила?

— Да так, н-ничего, — ушел он от ответа. — Я вот в Одессу податься думаю, Сашка там. Пришел попрощаться.

— Что ж, давай прощаться. Целоваться будем или как?

В это время в комнату вошла мать с двумя мисками. В одной были соленые огурцы, а в другой — картошка в «мундирах».

— Чего не угощасшь приятеля, Володя?

— Он спешит.

— Ничего, ничего, успеет. Кушайте, Коля.

Она поставила на стол тарелки, миски и нарезанный хлеб.

— За чекушкой сходить?

Колька ухмыльнулся и вытащил из кармана пол-литра водки.

— Выпьем п-по маленькой за твои т-трудоуые успехи.

— Выпьем, — прищурил глаз Сысоев. — Помнишь, как Сашка о водке говаривал?

— П-помню, — насторожился Колька. — Только ты это к-к чему?

— К тому самому, друг милый, к тому самому. Наливай. Значит, говоришь, одна дорожка?

Колька удивленно на него посмотрел: он ничего подобного не говорил...

Теперь Рыжий почти каждый вечер приходил к Сысоевым. Он участливо расспрашивал про дела, сочувст-

венно ругал работников отдела кадров, а потом, выбрав подходящий момент, ставил на стол бутылку.

— Выпьем по маленькой?

Пили много.

Мать со страхом наблюдала за хмельным сыном. «Отец! Вылитый отец!» Но возражать боялась. Забившись в свою комнату, тревожно прислушивалась к пьяным голосам и к словам незнакомой, пугающей песни: «Прощай, моя Одесса, прощай, мой карантин, нас завтра увозят на остров Сахалин... Погиб я, мальчишка, погиб навсегда, а годы проходят, проходят года...». Не веря в бога, мелко и часто крестилась: «Господи, и где они только эту песню нашли! Поскорей бы уж приезжал Николай Ахметович, поскорей бы. Может, тогда все образуется. Помогите, господи!»

Но Нуриманов не приезжал. На работу Владимира по-прежнему не брали. От ежедневного пьянства под глазами сына набрякли мешки. Суровый и чужой стал, не подступишься.

* * *

В суд из прокуратуры поступило три дела, расследованных следователем Влацкой.

— А что, хороший следователь из Инги получился? — поинтересовался Белецкий.

— Неплохой, неплохой, — снисходительно улыбнулась помощник прокурора района Коломенская. — Жалостливая только очень. Ей бы в адвокатуру идти. Вот тут, по делу Сысоева, никак не хотела обвиняемого под стражу брать...

— По делу Сысоева?

— Ну да, вор один.

— Знакомая фамилия. Несовершеннолетний?

— Нет, совершеннолетний. Так что, я надеюсь, вы уж без нас обойдетесь. Ну, я пошла, Михаил Константинович. До свидания!

Белецкий прошелся по кабинету и, остановившись у окна, задумался. «Сысоев, Сысоев... Такая знакомая фамилия. Ах, да, ведь это сын того самого Сысоева!».

Дело Сысоева оказалось пухлым. Белецкий усмехнулся. Ему не раз приходилось сталкиваться с делами, расследованными молодыми следователями.

Нередко молодой следователь, полный уверенности в том, что все происходило именно так, как ему казалось, сжимал дело до минимума, отказывая обвиняемому во всех ходатайствах, допрашивая только тех лиц, которые подтверждали его мысли, и отбрасывая все то, что расходилось с его убеждением.

Такие самолюбивые и самоуверенные люди, едва встав из-за школьной скамьи, уже мнили себя непогрешимыми. Но два-три дела, отправленные одно за другим на следствие, заставляли их серьезно в этом усомниться.

Но были среди молодых следователей и другие, те, кто пытался «объять необъятное». Они загромаждали дела ненужными справками, протоколами допросов, актами, действуя по принципу: «Лучше пересолить, чем недосолить».

Чаще всего это свидетельствовало о неумении разобратся в деле, о робости...

Неужели Инга относится к этой, второй категории?

Непохоже, бойкая дивчина. Но зачем тогда растягивать несложное дело о краже на сто тридцать листов? Странно, очень странно. И под стражу его брать не хотела. Может быть, не была уверена в его виновности? Не смогла собрать веских доказательств? Нет, не то, ведь обвиняемый признал свою вину. Непонятно, непонятно! Ну ладно, почитаем.

Белецкий нашел в деле обвинительное заключение. В глаза бросилась фраза: «В течение трех месяцев Сысоев безуспешно пытался устроиться на работу».

— Гм,— Белецкий снял трубку зазвонившего телефона, спрятав ее в ворох бумаг и углубился в изучение дела.

Письмо, адресованное матери.

«Дорогая мамочка! Пишет тебе твой сын Володя. Пишу из исправительно-трудовой колонии. Но ты не расстраивайся. Был вором, но больше не буду. Честное слово! С воровской жизнью покончено. Не думай, что я без специальности. Я столяр. Здесь научили. Пиши мне письма прямо сюда. Поклонись от меня Николаю Ахметовичу и всем знакомым. Как живешь? Нужны ли деньги? Я уже начал зарабатывать, но вот не знаю, можно ли пересылать деньги домой или нет. Спрошу у начальства. Думаю, что можно. Ребята здесь есть неплохие. Тоже бывшие воры. А некоторые и сейчас еще воры. Но многие,

как и я, тоже уже всякие разные специальности имеют. Обо мне не плачь и не беспокойся. Цилую тебя много раз. Володя».

— «Цилую тебя много раз. Володя». — Белецкий повторил последнюю фразу вслух и нехотя улыбнулся: «Цилую!» Да, заседателей с этим делом нужно будет познакомить заранее.

* * *

В камере предварительного заключения Владимир сидел уже вторую неделю.

Милиционеры относились к Сысоеву хорошо: смирный, распорядка не нарушает, нетребовательный.

Принося обед, один из дежурных, светловолосый и медлительный Семенов, обычно присаживался к нему на нары, свертывал козью ножку и в знак своего благоволения протягивал кисет с махоркой.

— Закуривай, парень. И чего ты влез в это дело. Специальность получил, женился бы, работал... А то пьяного обирать с дружкой надумал. Дружок-то скрылся?

— Скрылся.

— Ну вот, а ты в тюрьму пойдешь. Чего хорошего?

— Везде люди,— заученно и вяло отвечал Владимир.

— Оно конечно. Только какие люди! Вот в чем вопрос. Мать есть?

— Есть.

— Та самая старушка, что передачи носит?

— Она.

— Вот видишь, мать теперь слезы льет. Вторая судимость. Рецидив. Сейчас, поди, не меньше десяти дадут.

— Не меньше,— соглашался Владимир.

Эти разговоры уже не волновали его. Самое страшное осталось позади. Оно пришло в ту минуту, когда он решил, про себя: к честной жизни возврата нет. Судьба. А следовательно, еще молодая женщина, тянула. Зачем-то допрашивала Матвеева, Коспьянского...

— Вы бы, гражданочка следовательно, закругляли дело,— сказал ей на одном из допросов Сысоев.

— Обойдусь без ваших советов.

— Да я не советую. Просто надоело.

Но вот следствие окончено. Дело передано в суд. К Сысоеву пришел адвокат, длинный худой старик в на-

крахмаленной сорочке с небрежно повязанным черным галстуком. Он испытующе осмотрел Сысоева с ног до головы, потом спросил:

— Ну, что скажете, молодой человек?

— Ничего не скажу. Никакой защиты мне не надо.

— Как же так? Матушка ваша просила меня дело вести. Я за него взялся, надеюсь облегчить вашу участь, а вы отказываетесь. На что это похоже?

Владимир рассеянно думал: «Вот адвоката наняла. А к чему? Теперь откажешься, казнить будет: не все возможное для сына сделала».

— Так как решим, молодой человек?

— Ладно, защищайте. Только рассказывать мне не о чем. В деле все записано.

Через десять дней после этой беседы состоялся суд.

Маленький зал судебного заседания был набит до отказа.

Когда по проходу вели Владимира, он ощутил на своей спине десятки любопытных взглядов. На одной из скамей увидел Коспянского и Матвеева. Свидетелями будут.

Сел, отвернулся к окну.

— Вова!

Досадливо поморщился: мать. Плачет и сует какой-то кулек.

— Ты бы, мамаша, ушла отсюда.

— Да как же я уйду, Вовочка? И Николай Ахметович тут...

— Вот вместе и уходите. Нечего вам здесь делать. Передачу можешь и после суда принести. Осудят и свидание судья даст. Всегда так. Уйди, мать!

Всхлипывая, отошла, а в зале, наверное, осталась.

— Ты чего с матерью так разговариваешь,— неодобрительно сказал один из конвойных.— Не на гулянку провожает...

— Ну ты, сержант, помалкивай, не твое дело!

Суд решил начать судебное следствие с допроса Сысоева.

— Встаньте, подсудимый!

Встал. Нехотя начал рассказывать:

— Ну, выпили мы с Рыжим...

— Кто это «Рыжий»?

— Николай Сухотин. Выпили, значит, а потом пошли гулять. Видим, пьяный возле клуба сидит. Вместе пошли в закусочную. Там еще выпили, а потом его обобрали. Вот и все.

Расспросив подробно об обстоятельствах дела, Белецкий обратился к адвокату:

— У защиты вопросы будут?

— Да, разумеется,— приподнялся из-за стола адвокат.— Скажите, пожалуйста, гражданин Сысоев, по чьей инициативе было произведено изъятие у нетрезвого гражданина денег и часов? По-видимому, по инициативе Сухотина, как более старшего и опытного?

— Товарищ адвокат, не подсказывайте ответов.

— Виноват, виноват,— снова приподнялся тот из-за стола.

— Это, значит, кто первый обокрасть предложил?

— Именно.

— Не помню. Пьян был. Оба, наверное, и решили...

— Согласованно, так сказать,— сказал кто-то громко из зала.

Белецкий тряхнул колокольчиком.

— Тихо!

Адвокат ответом остался недоволен. Сцепил пальцы рук.

— Значит, не помните. А вы были сильно пьяны?

— Порядочно.

— Настолько сильно, что не осознавали, что делаете?

— Почему не осознавал. Осознавал.

— Сколько же вы лично употребили спиртного?

— Граммов пятьсот-шестьсот...

— И осознавали. Сомнительно, очень сомнительно. А как у вас обстояло дело с материальным положением?

— Чего?

— Ну, как бы это сказать, вы нуждались в деньгах?

— Да.

— Так. Печально, печально. А почему вы не работали? Вы, по-видимому, были больны.

— Нет, был здоров, как бык,— резко ответил Сысоев, которого все более и более раздражали вопросы адвоката.

«Неправильную линию избрал адвокат»,— подумал Белецкий.

Допросив пострадавшего и свидетелей, видевших кражу, суд перешел к допросу Матвеева и Коспянского. Матвеев чувствовал себя неуверенно и, может быть, именно поэтому старался держаться развязно. Вошел в зал с улыбочкой. На вопрос о том, что он может показать по делу, пожал плечами:

— Да почти ничего. Действительно, приходил к нам на комбинат наниматься, мы отказали. Вот и все. Не знаю, зачем меня только в суд вызвали.

— А почему не взяли Сысоева на работу?

— Не подошел.

— По квалификации?

— Нет, по другим данным.

— По каким именно?

— Видите ли, это несколько деликатный вопрос. Я считаю, что широкое оглашение здесь ни к чему.

— Не для широкого оглашения? — иронически переспросил Белецкий. — А суд считает, что тайны здесь нет. Говорите, а народ послушает.

— Я не могу говорить в подобной обстановке.

— Послушайте, свидетель Матвеев, вы, кажется, были предупреждены об уголовной ответственности за отказ от показаний?

— Да.

— Так вот, мы вас слушаем.

— Ответственность за это вы берете на себя?

— Полностью.

— Ну что ж, я скажу.

Матвеев слегка побледнел и придвинулся к судейскому столу.

— Мы его не взяли, исходя из государственных соображений.

— Громче, свидетель, в зале не слышно.

— Я говорю, что мы исходили из государственных соображений!

— Вот теперь слышно, хотя и непонятно.

— Наш комбинат является важным государственным предприятием, на нем не место вора.

— А откуда вы узнали, что Сысоев вор?

— А как же, он предъявил справку из места заключения...

— И в ней было написано, что он вор?

— Нет, этого там, конечно, написано не было, но ведь наказание он отбывал по Указу...

— Но в справке было сказано, что он освобожден на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР?

— Да.

— Значит, Президиум Верховного Совета СССР пришел к выводу, что он уже не вор, что он больше не нуждается в изоляции от общества, что он может работать, как все советские люди. Вы что же, решили поправить Президиум и лишить Сысоева права на труд?

— Нет, но не обязательно ему работать именно у нас. Все-таки бдительность...

— Не трогайте этого слова. Мне кажется, что его значения вы не понимаете.

Белецкий обратился к заседателям:

— У вас, товарищи, будут к свидетелю вопросы?

Молодая женщина, учительница средней школы Блинова, отрицательно покачала головой.

— У меня будет один вопросик, — неожиданно сказал Гуляев. — Скажите, свидетель, вы знаете Александра Павловича Бычихина?

— Как же я могу не знать директора комбината?

— А кем он был раньше, знаете?

— Вначале плотником, потом мастером, заместителем начальника цеха...

— Нет, до работы на комбинате?

— Представления не имею. Он здесь уже двадцать пять лет работает.

— Это верно. Знать вы не можете. Но я вам скажу. До комбината он был воспитанником детской исправительно-трудовой колонии. Про Макаренко слышали? Так вот, у него самого. А еще раньше Саша Бычихин был воров-карманником. Вот как. Ему просто повезло, Матвеев, что вы тогда не работали в кадрах. Наверняка бы забраковали. Да.

По залу прошел гул. Бычихина в поселке знали все. «Бюрократ!» — явственно донеслось до Матвеева. Он втянул голову в плечи, как будто ожидая удара, и сбивчиво заговорил:

— Вы только не думайте, что я действовал по своей инициативе. Я как раз хотел зачислить Сысоева. Он на меня произвел хорошее впечатление. Но у нас в свое время произошел неприятный случай с одним... — Матве-

ев замялся,— с одним бывшим вором... Начальник цеха и отсоветовал. И, как видите, в данном конкретном случае мы не ошиблись: Сысоев вторично оказался на скамье подсудимых.

— Не без твоей помощи,— громко сказал кто-то в зале.

— Тише, товарищи, тише! — поднял руку Белецкий.

Сысоев безучастно смотрел в окно, почти не прислушиваясь к происходящему. Словно откуда-то издалека донесся до него голос адвоката, просившего суд о снисхождении... Наконец, он очнулся, поискал глазами мать. Вон она сидит в шестом ряду рядом с Николаем Ахметовичем. Слушает, боясь проронить хоть одно слово. Маленькая, сморщенная старушка в белом платке. В том самом платке, который он ей тогда привез. Доживет ли она до его возвращения? Да и вернется ли он?

Почувствовал, как дрогнули губы. Пониже наклонил голову. Неужто жизнь навсегда сломана? Как в той песне поется: «Погиб я, мальчишка, погиб навсегда...».

Погиб навсегда. Эта мысль, которая за последние дни как будто стала привычной, вдруг пронзила все его существо. Неужто все кончено?

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово.

Тяжело встал. Комок в горле.

— Я... я отказываюсь от последнего слова.

— Хорошо. Садитесь. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора по делу.

В зале сразу же заговорили, зашаркали ногами, закрипели отодвигаемые скамейки.

К Сысоеву в сопровождении нескольких человек подошел Нуриманов.

— Здравствуй, Володя. Тяжело?

— Ничего, держусь.

Даже улыбнулся. А потом что-то внутри оборвалось. Закричал дико:

— Оставьте меня! Оставьте меня!

Упал грудью на барьер, под рубашкой волнами заходили худые лопатки.

— Граждане, прошу отойти от подсудимого,— сказал конвойный милиционер, отодвигая любопытных.

Когда судьи вошли в совещательную комнату, Белецкий вынул портсигар и обратился к Блиновой:

— Не возражаете, Клавдия Тимофеевна, если закурю?

— Пожалуйста, Михаил Константинович.

Белецкий открыл форточку, чиркнул спичкой и несколько минут наблюдал, как сизая полоска дыма, клубясь, тянулась к окну.

— Ну, какие будут мнения?

— Сразу тебе и мнения подавай,— заерзал в кресле Гуляев.— Частное определение в адрес комбината выносить надо. Эти деятели, Матвеев и Коспьянский, наломали дров. Факт, они парня на преступление толкнули. Покрутился, повертелся — работы нет. Ну и того...

Белецкий притушил в пепельнице папиросу.

— Так. Частное определение вынесем. Случай, по-видимому, не первый. Бороться с этой тенденцией обязательно надо. Вопрос трудоустройства амнистированных — государственный вопрос. Это ясно. А как с Сысоевым решим?

— Какое наказание по закону за повторную кражу? — поинтересовалась Блинова.

— Не менее шести лет лишения свободы.

— Мда,— крикнул Гуляев,— строгонько! Как хочешь, Михаил Константинович, но у меня рука не поднимается ему такой приговор подписывать. Я за то, чтобы оправдать.

— Оправдать? — переспросил Белецкий.— Но ведь он украл.

— Украсть-то украл, но обстоятельства...

— Да, обстоятельства, конечно, серьезные. Пожалуй, и ты при таких обстоятельствах мог бы кражу совершить...

— Да ты что?! — обиделся Гуляев.— Я, рабочий человек, чтобы крал?! Как тебе не совестно, Михаил Константинович?! С голоду подохну, а чужого не возьму. «Украл»! Скажешь же такое!

— Значит, не украл бы ни при каких обстоятельствах?

— Конечно.

— Вот видишь, а он украл. Следовательно, обстоятельства не могут для него служить полным оправданием. Верно?

— Верно,— нехотя согласился Иван Яковлевич.— Но все-таки на свою совесть я этого приговора взять не могу.

— А никто тебе не предлагает его на совесть брать. Что вы скажете, Клавдия Тимофеевна? — обратился Белецкий к Блиновой.

— Не знаю, что и сказать,— смутилась та.— На меня очень сильное впечатление произвели материалы дела. Особенно письмо Сысоева к матери. Мне кажется, нет, я уверена, что он не хотел больше вести воровскую жизнь, что это преступление какая-то нелепость. Надо учитывать, что Сысоев — это человек с еще не установившимся характером. Он вернулся, полный самых лучших намерений, работать хотел, строить свою жизнь и наткнулся на перестраховщиков. А тут еще его дружок, по-видимому, ему нашептывал, что у вора только одна дорожка, что честные люди бывшего вора в свое общество не возьмут. Знаете, как это бывает. И преступление-то он, по-моему, совершил с отчаянья. «Не верите, что я исправился. Nate вам. Смóтрите на меня, как на вора, пусть я и буду вором».

— Так, ваша точка зрения мне ясна. Как считаешь, Иван Яковлевич, правильно Клавдия Тимофеевна говорит?

— Пожалуй, верно.

— Вот теперь давайте во всем этом и разберемся. Преступление совершено, поэтому об оправдании Сысоева не может быть и речи. Но преступление совершено при особых обстоятельствах, которые мы обязаны учесть, человеком, который хотел покончить с воровством (тому письму у нас нет оснований не верить). И, наконец, последнее. Нуждается Сысоев в изоляции от общества или нет? Имеем мы моральное право оставлять его на свободе или нет? Короче говоря, вы верите в то, что он не совершит больше преступления ни при каких обстоятельствах?

— Загадку ты загадал, Михаил Константинович! — покрутил головой Гуляев.— Как говорится, чужая душа — потемки.

— Я вас не тороплю, товарищи. Подумайте. Крепко подумайте.

В совещательной комнате наступила тишина. В руках трех людей была судьба четвертого...

Как они ее решат?

* * *

— Встать! Суд идет!

За судейским столом трое судей. В центре — Белецкий. В руках у него приговор суда.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

Десятки людей застыли в молчании. И среди них — подсудимый Владимир Сысоев и его мать. Они в разных концах зала, но им кажется, что в эти минуты они рядом. Судья читает, как было совершено преступление, кем и чем это подтверждено.

Зал молчит, но в этом молчании слышится затаенный вопрос: как же решено дело?

И вот в зал камнем падают слова: «Народный суд приговорил...». Нет, еще не то. Перечисляются год рождения, место рождения... Вот оно!

Шесть лет лишения свободы!

— А-а! — Мягким кулем падает мать на руки соседей. Обморок. Она уже не слышит, что дальше читает судья. А судья продолжает читать. Приговор еще не окончен: «...но учитывая обстоятельства, при которых было совершено преступление, положительную характеристику подсудимого, присланную из трудовой колонии, где он ранее отбывал наказание...».

Люди стараются не пропустить ни одного слова, хотя все уже ясно... «Условно,— шорохом проносится по залу,— осужден условно».

Владимир проводит тыльной стороной ладони по лбу. Ладонь совсем мокрая. Вытирает о рубашку. Тяжело дышит.

— Чего же ты, как пень, стоишь,— шепчет конвоир.— Условно же дали. «Освободить из-под стражи в зале судебного заседания!». Слышишь?

Владимир смотрит на него непонимающими глазами.

— Вот чудак,— смеется тот.— Свободен ты, понимаешь, свободен!

Но Владимир не понимает этих слов. Что слова, когда перед ним жизнь.

— А на следующий день,— рассказывал мне Сысоев,— я пошел к Белецкому. Как сейчас помню, чумной какой-то был. Как будто все понимаю и в то же время не понимаю. Ведь всего я ожидал, только не свободы. Что ни говорите, а преступление-то я совершил вторично... Захожу к нему бочком в кабинет, а он говорит: «Хорошо, что пришел. Я уже письмо тебе заготовил». «Какое письмо?» — спрашиваю.— «А такое,— говорит,— к своему приятелю старому, он теперь работает начальником шахты в Донбассе. Лучше будет, если ты туда поедешь. В хорошие руки попадешь».— Спасибо,— говорю,— Михаил Константинович».— «За письмо? — спрашивает.— Так за это благодарить нечего. Там люди нужны. Сам меня просил к нему народ направлять. А за приговор тем более. Думаешь, пожалели тебя? Нет, не пожалели. Дряблое, гнилое слово жалость. Я жалеть не умею. Просто мы поверили в тебя. А за доверие не благодарят. Его стараются оправдать. Понял?» — «Понял»,— отвечаю.

И точно, понял. На всю жизнь понял. Ну, а дальше? Приехал сюда, начал работать. Комнату дали. Собираюсь мать перевозить. Вот, пожалуй, и все. А Михаилу Константиновичу каждую неделю пишу. И он пишет. Только редко. Слышал, болен тяжело. Говорят, умирать собирается. Только не верю я этому. Таким людям большой срок жизни по справедливости должен быть отпущен.

Сысоев вздохнул, провел рукой по щекам, покрытым темным пушком, и задумчиво сказал:

— Настоящий человек Михаил Константинович. Поверил, говорит. Да я теперь за эту веру, может быть, жизнь отдам. Большое это умение — вера в человека. Не каждому оно дается.

Уехал я на следующий день. Владимир меня провожал.

Последнее рукопожатие. Поезд трогается.

Была почь, но мне не спалось. Я думал о Владимире, о его судьбе, думал о той большой дороге в жизнь, которая перед ним открылась благодаря скромному народному судье Михаилу Константиновичу Белецкому. А поезд все набирал и набирал скорость...
